
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

УДК 340.8

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(2).137-146

СИСТЕМНЫЕ НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ «ИНТЕГРАТИВНОГО» УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

А.А. Храмов

Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

06 марта 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2026 г.

Ключевые слова

«Интегративное» уголовно-исполнительное право, конструктивно-функциональные связи, меры пресечения, меры уголовной ответственности, меры постпенитенциарного контроля

Анализируются системные недостатки действующего законодательства, регламентирующего исполнение различных по своей правовой природе мер государственного принуждения на различных стадиях деятельности системы уголовной юстиции («до-пенальной», «пенальной» и «постпенальной»). Обосновывается, что в настоящее время на эффективность правового регулирования данной сферы негативно влияют пробелы, коллизии и другие недостатки законодательной техники, недостаточный уровень закрепления правового положения подозреваемых, обвиняемых, судимых, отсутствие достаточных правовых основ контроля за соблюдением их прав, свобод и законных интересов, недостаточное обеспечение преемственности стадий деятельности уголовной юстиции. Делается вывод о необходимости проведения новой кодификации уголовно-исполнительного права с расширенными пределами (границами) регулирования, именуемого на страницах юридической печати «интегративным».

SYSTEMIC DEFICIENCIES IN LEGISLATION IN THE FIELD OF CRIME FIGHTING AS A PRECONDITION FOR THE FORMATION OF “INTEGRATIVE” CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Alexander A. Khramov

Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Novokuznetsk, Russia

Article info

Received –

2025 March 06

Accepted –

2026 March 20

Available online –

2026 June 20

Keywords

“Integrative” criminal-executive law, constructive and functional ties, preventive measures, criminal liability measures, post-penitentiary control measures

Subject. Legal regulation of the implementation of state coercive measures at the “pre-penal”, “penal”, and “post-penal” stages of the criminal justice system's activities.

The purpose of this article is to analyze systemic deficiencies in the legal regulation of implementing preventive measures, criminal liability, and post-penal (post-punitive) control, which are among the main prerequisites for forming an “integrative” criminal-executive law with expanded regulatory boundaries.

The methodology. Formal-legal, comparative-legal, historical-legal, and systemic methods were used.

The main results and conclusions. The author analyzes systemic shortcomings in the current legislation governing the enforcement of various types of state coercive measures differing in their legal nature at different stages of the criminal justice system's operations. These include gaps, conflicts, and other legislative technical flaws, insufficient legal protection for suspects, defendants, and convicts, inadequate legal foundations for monitoring compliance with their rights, freedoms, and legitimate interests, and insufficient continuity between the stages of criminal justice activities. Many of these issues should be resolved by a new codification of penal law with extended regulatory

boundaries. The anticipated benefits of such codification include improved qualitative consistency and effectiveness of legal tools for combating crime, increased number and greater legal force of guarantees for participants in relevant relationships when applying the most severe coercive measures to maintain public order against criminal offenses, enhanced ease of application due to reduced numbers and content of sources of penal law regulations, improved clarity and accessibility of legislation, shorter timeframes to achieve a certain level of evolution in the penal system, and ensuring a balance between societal and governmental interests and needs.

1. Введение

Несмотря на то, что в теории права и отраслевых науках в последние десятилетия как в России [1–3], так и за рубежом [4–6] наблюдается тенденция отраслевой дифференциации, в уголовно-исполнительной и связанных с ней сферах, напротив, существуют достаточные основания интеграции правовых основ исполнения мер уголовной ответственности с «допенальными» и «постпенальными» мерами принуждения. К предпосылкам формирования уголовно-исполнительного права с расширенными пределами (границами), условно именуемого «интегративным» [7], как показывает анализ юридической литературы, действующего законодательства и практики его применения, следует отнести, помимо прочего, необходимость качественного повышения уровня системности действующего правового регулирования исполнения мер государственного принуждения, реализуемых на различных стадиях уголовного правосудия. Именно необходимость повышения эффективности существующего законодательства, как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, является одним из основных «аргументов» в пользу разработки его нового варианта (модели) [8]. К сожалению, как показывает исследование, на уровень системности законодательства в области исполнения мер принуждения, реализуемых на «допенальной», «пенальной» и «постпенальной» стадиях негативно влияют пробелы, коллизии и другие недостатки законодательной техники, недостаточный уровень закрепления правового положения подозреваемых, обвиняемых, судимых, отсутствие достаточных правовых основ контроля за соблюдением их прав, свобод и законных интересов, недостаточное обеспечение преемственности стадий деятельности уголовной юстиции и др.

Изложенное выше свидетельствует о необходимости проведения специального исследования системных недостатков «интегративного» уголовно-исполнительного правового регулирования, устра-

нение которых должно повысить эффективность целей и задач уголовной политики государства.

2. Системные недостатки «интегративного» уголовно-исполнительного правового регулирования

В юридической литературе вполне справедливо отмечается, что проблема существования различных недостатков законодательного регулирования обусловлена не только правотворческими ошибками, связанными с несоблюдением правил законодательной техники, но и невозможностью урегулирования всех аспектов жизни [9, с. 147]. При этом в контексте рассмотрения возможностей формирования «интегративного» уголовно-исполнительного права следует говорить не просто обо всех недостатках действующего законодательства, а только тех, что возникают в сфере реализации мер государственного принуждения на различных стадиях деятельности уголовной юстиции (с момента возбуждения уголовного дела до снятия судимости) и правовое регулирование которых не охватывается действующим уголовно-исполнительным законодательством, однако имеет с ним конструктивно-функциональные связи. Обусловлен данный подход тем, что само по себе наличие указанных выше законодательных недостатков внутри существующего предмета уголовно-исполнительного правового регулирования не вызывает необходимости создания интегративной его версии, с одновременным расширением границ (пределов). В подобном случае достаточно ограничиться внесением соответствующих изменений в действующее законодательство либо, как крайняя мера, принять новый Уголовно-исполнительный кодекс (далее – УИК) РФ с сохранением прежнего предмета регулирования. Для удобства рассмотрим данные проблемы в зависимости от стадий деятельности уголовной юстиции.

2.1. «Допенальная» стадия

К признаваемым в юридической науке серьезным недостаткам правового регулирования в сфере исполнения уголовно-процессуальных мер принуж-

дения¹ в настоящее время принято относить: недостаточный уровень закрепления и гарантий правового положения подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и механизма реализации возникающих в этой сфере общественных отношений; проблемы «наложения» статуса подозреваемого / обвиняемого на осужденного (и наоборот), в конечном счете ведущих к проблемам реализации их прав, свобод и законных интересов; неопределенность правовой природы отдельных норм и институтов, расположенных в уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве; проблемы исчисления и зачета в срок наказания и иных уголовно-правовых мер уголовно-процессуальных мер принуждения; отсутствие достаточных правовых основ контроля за соблюдением правового положения лиц, в отношении которых избраны альтернативные содержанию под стражей меры пресечения (за исключением, пожалуй, ведомственного)²; коллизии в определении основных категорий, оперируемых исследуемыми отраслями законодательства. Остановимся более подробно на некоторых из них.

Анализ действующего законодательства в сфере реализации уголовно-процессуальных мер принуждения позволяет сделать вывод, что за некоторым исключением порядок их исполнения регламентируется на уровне подзаконных актов. Подобная тенденция (как в России, так и в большинстве зарубежных стран) сама по себе, очевидно, не имеет негативного характера, если подобные нормативные акты в полной мере соответствуют требованиям действующего законодательства. Однако вопросы, связанные с содержанием и механизмом реализации правоограничений, как справедливо отмечал еще в конце прошлого века В.А. Уткин, нельзя решать исключительно на подзаконном уровне. Когда же подобные акты принимаются, это свидетельствует не об устранении пробелов, которые могут

временно восполняться на подзаконном уровне при соблюдении определенных условий [12, с. 12–13], а лишь об их существовании [13, с. 23]. Пример – установленное по аналогии с лишением свободы ведомственной инструкцией правило (п. 414 приказа Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110) о возможности беспрепятственного проведения проверки нахождения подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, по месту жительства. Вряд ли нужно доказывать – пишет В.А. Уткин, – что уровень нормативной регламентации подобных правил не отвечает их действительной значимости и положениям Конституции РФ [13, с. 23].

Следует отметить, что с подобными проблемами сталкиваются не только лица, в отношении которых применяются данные ограничения, но и субъекты контроля за их соблюдением. Например, возлагая на уголовно-исполнительную инспекцию обязанность по контролю за отправлением и получением подозреваемым или обвиняемым почтово-телеграфных отправлений, использованием средств связи и сети «Интернет», законодатель не установил норм, обеспечивающих возможность реализации указанных полномочий в полной мере [14, с. 324–325; 15, с. 51; 16, с. 149]. В конечном итоге это привело к тому, что в правоприменительной практике встречаются случаи привлечения подконтрольных лиц к иным видам ответственности³, что едва ли соответствует принципу законности.

Другой немаловажный системный недостаток действующего правового регулирования в сфере борьбы с преступностью – «наложение» статуса подозреваемого / обвиняемого на осужденного (и наоборот). В последние годы последствия данной проблемы становились предметом изучения не только отраслевых наук, но и правоприменительной практики, в первую очередь Конституционного

¹ В первую очередь речь идет о мерах пресечения, хотя ими меры уголовно-процессуального принуждения, очевидно, не ограничиваются.

² Например, в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» по поводу полномочий прокурора по надзору за соблюдением законов администрациями перечисленных органов и учреждений и, в частности, уголовно-исполнительной инспекцией в сфере контроля за исполнением домашнего ареста в виде меры пресечения ничего не говорится. Такое положение еще более усугубляется вследствие того, что в ст. 37, 107 и др. Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ также отсутствуют какие-либо предпосылки

в качестве оснований для прокурорского надзора за соответствием закону осуществляемого уголовно-исполнительной инспекцией контроля над исполнением названной меры пресечения подозреваемым или обвиняемым УПК РФ [10; 11].

³ Например, по ст. 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях за воспрепятствование исполнению сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции служебных обязанностей по контролю за подозреваемыми и обвиняемыми посредством системы электронного мониторинга, которое выражается в неисполнении рекомендаций по использованию электронного браслета.

Суда РФ⁴. Тем не менее до сих пор не решен ряд вопросов.

Во-первых, обоснованность появления у осужденного дополнительных ограничений, связанных с его участием в качестве подозреваемого или обвиняемого в следственных действиях или в судебном разбирательстве в порядке ст. 77.1 УИК РФ. К такому в настоящее время следует отнести предоставление осужденному длительных свиданий лишь с письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, существенное изменение условий размещения, введение прогулки (в сравнении, например, с обычными или облегченными условиями исправительной колонии (далее – ИК)). Отсюда следует, что объем и содержание правоограничений между содержанием на обычных или облегченных условиях ИК, а также льготных в воспитательной колонии (далее – ВК) существенно отличается от содержания в следственном изоляторе (далее – СИЗО) в порядке ст. 77.1 УИК РФ и лишь немногим отличается от содержания в СИЗО при избрании соответствующей меры пресечения. Причем во втором случае у подозреваемых / обвиняемых имеется даже ряд преимуществ перед осужденным, оставленным в порядке ст. 77.1 УИК РФ (увеличение нормы жилой площади, возможность просмотра кинофильмов и видеофильмов без ограничений и пр.). При этом срок содержания в порядке ст. 77.1 УИК РФ засчитывается в срок отбывания наказания день за день, в то время как в порядке меры пресечения – день за полтора в ИК общего режима, ВК. Подобный подход едва ли соответствует принципу справедливости и обоснованности.

Во-вторых, определение порядка исполнения лишения свободы в случае совершения осужденным нового преступления и избрания в отношении него меры пресечения в виде домашнего ареста, запрета определенных действий (например, в случаях, если осужденный проживает со своей семьей за пределами колонии-поселения, ИК общего режима). В настоящее время из анализа законодательства неясно, во-первых, приостанавливается ли исполнение этого наказания или нет. Во-вторых, как соотносятся между собой в подобных случаях право осужденного на отправление жалоб, предложений и заявлений осужденного и избранный в отношении него

запрет на отправление и получение почтово-телеграфных отправлений в случае возбуждения уголовного дела, обязанность работать в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений (ст. 103 УИК РФ) и запрет находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, например в случае, если осужденный работает водителем (ст. 105.1 УПК РФ), право на получение информации о правах и обязанностях (ст. 12 УИК РФ), на устное обращение к администрации исправительного учреждения (п. 26 приказа Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110) и запрет общаться с определенными лицами (ст. 105.1 УПК РФ). При наличии подобных конкуренций норм едва ли возможно использовать разработанные общей теорией права положения об их преодолении. Не способствуют разрешению подобной ситуации и особенности в целях, принципах правового регулирования исследуемых отношений, в отдельных случаях, всё же, позволяющих установить преимущественный выбор нормы права⁵.

В-третьих, определение порядка исполнения ряда альтернативных лишению свободы наказаний и иных уголовно-правовых мер при одновременном избрании в отношении осужденного меры пресечения. Исходя из того, что, в отличие от лишения свободы специальных указаний о том, что неотбытой частью наказания следует считать срок, оставшийся на момент избрания меры пресечения в виде содержания под стражей за вновь совершенное преступление (п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58), нет, следует, что избрание любой из мер пресечения и ее последующее исполнение, в том числе наиболее строгих и существенно ограничивающих правовое положение осужденных, не приостанавливает исполнение наказаний, собственно, как и иных уголовно-правовых мер. Сама по себе подобная ситуация вполне соответствует целям и принципам правового регулирования одновременно реализующихся отношений, за исключением случаев, когда реализация одних препятствует возможности реализации других. Причем

⁴ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2020 г. № 50-П.

⁵ Например, как это было в случае, при котором банкротство осужденного к наказанию в виде штрафа и последую-

щее освобождение от него не соответствовало неотвратимости уголовного наказания. См., более подробно: Определение Конституционного Суда РФ от 13 марта 2018 г. № 578-О.

сразу оговоримся, что здесь мы не говорим о ситуации, например, когда в отношении осужденных к обязательным или исправительным работам избирается мера пресечения в виде домашнего ареста. В подобном случае приостановление⁶ данного вида наказания нецелесообразно, поскольку неотбытая часть наказания в последующем будет исчисляться из положений ч. 1 ст. 27 и ч. 3 ст. 42 УИК РФ. Другое дело – наказание в виде ограничения свободы, которое по своим ограничениям достаточно схоже с содержанием меры пресечения в виде запрета определенных действий и домашним арестом, а в некоторых – идентично.

Следует отметить, что проблемы преемственности отдельных стадий деятельности системы уголовной юстиции связаны не только с недостатками юридической техники, но и, в отдельных случаях, не до конца решенными вопросами определения юридической природы возникающих в сфере борьбы с преступностью отношений, их отраслевой принадлежности. Одним из таких нерешенных в науке уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права остается вопрос об институциональной принадлежности правовых основ задержания в стадии исполнения приговора (ч. 2 ст. 30, ч. 5 ст. 46 УИК РФ и др.) [17]⁷, исполнения некоторых видов уголовно-процессуальной отсрочки [18], «иных мер» уголовно-правового характера [19] и др.

Помимо этого, на эффективность правового регулирования влияет и недостаточная научная обоснованность норм, устанавливающих конструктивные и функциональные связи между стадиями деятельности системы уголовной юстиции. Таковые, в частности, выражаются в установлении правил зачета мер пресечения в срок наказания, приводящие в отдельных случаях к парадоксальным ситуациям в правоприменительной практике [20; 21]. Не ставя перед собой цель исследования всех из них, лишь отметим возможность решения большей части из числа существующих в этой сфере «парадоксов» посредством: отказа от многочисленной градации режимов и условий содержания осужденных к лишению свободы, исключающего необходимость постоянного изменения существующей системы коэффициентов зачета сроков в уголовном законе; включения в Уго-

ловный кодекс (далее – УК) РФ положений о возможности учета при назначении наказания иных запретов, возлагаемых на подозреваемого / обвиняемого в порядке п. 2–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ; распространения требований ст. 72 УК РФ на случаи, когда во время отбывания меры уголовной ответственности к осужденному применяется мера пресечения, однако в дальнейшем данное лицо признано невиновным в совершении преступления по новому уголовному делу; распространения коэффициентов кратности, предусмотренных УК РФ, на срок содержания осужденного в следственном изоляторе в порядке ст. 77.1 УИК РФ [21, с. 127].

2.2. Пенальная стадия

Несмотря на то, что в настоящее время исполнение наказаний и ряда иных уголовно-правовых мер, связанных с судимостью осужденного, охватывается содержанием действующего уголовно-исполнительным законодательства, некоторые из существующих мер уголовно-правового и уголовно-процессуального характера в стадии исполнения приговора до сих пор (по истечении четверти века) указанными нормами не регламентируются. Связано это прежде всего с нерешенным в науке, законодательстве и правоприменительной практике вопросом определения понятия «иных мер уголовно-правового характера», а также их правовой природой.

Не преследуя цель разрешения вопроса определения иных уголовно-правовых мер, являющихся формами реализации уголовной ответственности, которые подлежат включению в предмет так называемого «интегративного» уголовно-исполнительного права, отметим, что в настоящее время существует необходимость совершенствования правового регулирования исполнения каждой из них. Причем, если для эффективной реализации одних достаточно «точечных» изменений в существующем законодательстве, то порядок реализации других вовсе не имеет под собой какой-либо нормативной основы.

Наглядный пример тому – отсутствие правового регулирования в сфере реализации предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством отсрочки в связи с болезнью или возникновением тяжких последствий или угрозы их возникновения для осужденного или его близких родственни-

⁶ Термин «приостановление» используется автором условно, поскольку в сфере исполнения наказаний приостановление как самостоятельный юридический факт не существует, в отличие, например, от сферы правового регулирования административного надзора.

⁷ См. также: Николюк В.В. К вопросу о задержании осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания // Международная ассоциация содействия правосудию. 2020. 28 сент. URL: <https://www.iauj.net/node/2882>.

ков, другими исключительными обстоятельствами. Несмотря на то, что в отношении указанных категорий лиц не устанавливаются какие либо обязанности и запреты, а также последствия за их несоблюдение (в отличие от осужденных, которым предоставлена отсрочка в порядке ст. 82 и 82.1 УК РФ), они, как минимум, нуждаются в контроле в силу возможности уклонения от отбывания наказания (например, уклонение от прохождения лечения, умышленное причинение вреда здоровью и пр.) и утраты юридического основания предоставления отсрочки (например, в случае выздоровления родственника и пр.).

Аналогичная проблема возникла и в сфере контроля за условно освобожденным от наказания в соответствии со ст. 80.2 УК РФ, порядок осуществления которого в настоящее время не предусмотрен на уровне федерального закона. По мнению К.Н. Карпова, несмотря на то, что само по себе нахождение лица в измененной (боевой) обстановке выступает в роли фактора, влияющего на устранение общественной опасности самого лица либо совершенного им деяния, механизм освобождения от наказания не должен предполагать бесконтрольность поведения лица в части соблюдения им условий освобождения от наказания и возможного продолжения преступной деятельности (в том числе в условиях прохождения военной службы) [22, с. 76]. В этой связи в юридической литературе было высказано предложение о регламентации такого контроля в УИК РФ [23, с. 187]. При этом остается вопрос о контроле и его правовых основах с момента предоставления условного освобождения до выполнения обязательств (или невыполнения).

Еще одной важной нерешенной проблемой остается уровень правового регулирования общественных отношений в сфере направления и перемещения осужденных к лишению свободы и определение их юридической природы. Отчасти данную проблему законодатель попытался решить в ст. 75 и 76 УИК РФ, установив, что порядок направления и перемещения осужденных определяется подзаконными актами. Но в его конкретике конвоирование данной категории лиц, а также их права и обязанности регламентируются исключительно ведомственными инструкциями, что едва ли соответствует требованиям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [24, с. 139].

2.3. Постпенальная стадия

В настоящее время в рамках постпенальной стадии можно говорить о правовых основах исполнения двух мер государственного принуждения – контроле за условно-досрочно освобожденными и

лицами, в отношении которых избран административный надзор. Кратко рассмотрим каждую из указанных мер.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что самым серьезным недостатком правовых основ контроля за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания, является их отсутствие. Попытки ФСИН России хоть как-то урегулировать порядок деятельности уголовно-исполнительных инспекций в данной сфере методическими рекомендациями, несомненно, заслуживают внимания. Вместе с тем подобная практика противоречит положениям Конституции РФ (например, при вынесении предупреждения, проверках по месту жительства и пр.). Нерешенность данного вопроса, отсутствие возможности контролирующего органа по аналогии с иными мерами уголовно-правового характера (в частности, с условным осуждением) вносить в суд представление о возложении дополнительных обязанностей на лиц, нарушающих порядок отбывания условно-досрочного освобождения, в конечном счете так или иначе влияет на повторную преступность.

Что касается административного надзора, то его применение по сравнению с обозначенными выше иными мерами государственного принуждения существенных проблем не имеет. В то же время нельзя не обратить внимание на следующее.

Во-первых, сближение по своему содержанию возлагаемых на данную категорию лиц ограничений с наказаниями и иными мерами уголовно-правового характера, в отдельных случаях их полное дублирование. В конечном счете это может привести к тому, что два контролирующих органа будут контролировать одни и те же обязанности и запреты, что не соответствует принципу рациональной экономии мер государственного принуждения, использования сил и средств, их реализующих.

Во-вторых, наличие коллизий между положениями общей и особенной части законодательства об административном надзоре, препятствующих возможности осуществления надзора в отношении отдельных категорий освобожденных.

Так, в соответствии с ч. 2.1 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» административный надзор устанавливается судом в отношении лица, совершившего в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадца-

тилетнего возраста, и страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключаящим вменяемости. При этом законодательство не устанавливает, в отличие от других категорий лиц, требование о том, что данное лицо должно освобождаться или быть освобожденным из мест лишения свободы, что, с одной стороны, противоречит установленному в ст. 1 этого же закона понятию административного надзора, с другой – не выходит за рамки установленных в ст. 2 задач подобной меры государственного принуждения. Подобная ситуация теоретически возможна в случае, если суд назначит наказание по ч. 3 ст. 134 ниже низшего предела (или в порядке ст. 15 УК РФ), например в виде исправительных работ, ограничения свободы в качестве основного наказания (а не в рамках смягчения лишения свободы)⁸. При этом действующее законодательство не предусматривает порядок осуществления контроля за данной категорией лиц.

3. Выводы

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что в настоящее время необходимость качественного повышения эффективности правового регулирования в сфере борьбы с преступностью наряду с иными основаниями и условиями является важней-

шей предпосылкой формирования «интегративного» уголовно-исполнительного права и УИК РФ как внешней формы его выражения. Как показывает анализ юридической литературы, законодательства и практики его применения, этого можно достичь лишь посредством устранения недостатков системного характера. К таковым следует отнести пробелы, коллизии и другие недостатки законодательной техники в сфере реализации «допенальных», «пенальных» и «постпенальных» мер принуждения, недостаточный уровень закрепления правового положения подозреваемых, обвиняемых, судимых, отсутствие достаточных правовых основ контроля за соблюдением их прав, свобод и законных интересов, недостаточное обеспечение преемственности стадий деятельности уголовной юстиции, а также неопределенность правовой природы отдельных норм и институтов, расположенных в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве. Большую часть перечисленных выше проблем должна решить новая кодификация уголовно-исполнительного права с расширенными пределами (границами) регулирования, что позволит обеспечить системность правового регулирования деятельности системы уголовной юстиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радько Т. Н. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис? / Т. Н. Радько, А. А. Головина // Государство и право. – 2017. – № 2. – С. 34–40.
2. Осипов М. Ю. О некоторых проблемах структуризации системы российского права / М. Ю. Осипов // Economics, management, law: socio-economic aspects of development : Collection of scientific articles. – Roma, Italy : Edizioni Magi, 2016. – Vol. 2. – P. 136–137.
3. Магомедова Е. А. Сущностные признаки отраслей права как критерии дифференциации системы российского права на отрасли / Е. А. Магомедова, М. В. Курзаков, И. С. Соколов // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 112-4. – С. 73–76.
4. Turgut N. Y. The Influence of Ecology on Environmental Law: Challenges to the Concept of Traditional Law / N. Y. Turgut // Environmental Law Review. – 2008. – Vol. 10, Iss. 2. – P. 112–130. – DOI: 10.1350/enlr.2008.10.2.012.
5. Grantham R. The Proceduralisation of Australian Corporate Law / R. Grantham // Federal Law Review. – 2015. – Vol. 43, Iss. 2. – P. 233–257. – DOI: 10.22145/flr.43.2.3.
6. Rahim M. M. Nanomedicine regulation in Australia / M. M. Rahim // Alternative Law Journal. – 2019. – Vol. 44, Iss. 2. – P. 133–137. – DOI: 10.1177/1037969X18815737.
7. Уткин В. А. «Интегративное» уголовно-исполнительное право / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2019. – № 3. – С. 31–33.
8. Suominen A. Effectiveness and Functionality of Substantive EU Criminal Law / A. Suominen // New Journal of European Criminal Law. – 2014. – Vol. 5, Iss. 3. – P. 388–415. – DOI: 10.1177/203228441400500308.
9. Жуйков В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В. М. Жуйков. – М., 1997. – 320 с.

⁸ См., напр., приговор Ипатовского районного суда Ставропольского края № 1-136/2020 от 17 ноября 2020 г., приго-

вор Бессоновского районного суда Пензенской области № 1-63/2019 от 9 июля 2019 г.

10. Воронин О. В. Предмет и пределы пенитенциарного надзора прокуратуры / О. В. Воронин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 1 (11). – С. 5–16.
11. Махотин Н. А. Обеспечение законности при исполнении домашнего ареста в виде меры пресечения в аспекте проблемы прокурорского надзора и вариантов ее решения / Н. А. Махотин // Вестник Российского университета кооперации. – 2016. – № 3 (25). – С. 121–123.
12. Храмов А. А. Пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Храмов. – Томск, 2022. – 230 с.
13. Уткин В. А. Пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве и пути их преодоления / В. А. Уткин // Проблемы совершенствования правовых и организационных основ деятельности органов, исполняющих наказания : тр. Акад. МВД России. – М., 1996. – С. 17–25.
14. Гаврилов Д. И. Особенности осуществления контроля уголовно-исполнительными инспекциями за соблюдением запрета подозреваемыми и обвиняемыми отправлять и получать почтово-телеграфные отправления / Д. И. Гаврилов, Н. С. Малолеткина, П. А. Павлов, Р. Р. Хаснутдинов // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19, № 2. – С. 321–329. – DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.321-329.
15. Попова Л. Н. Особенности контроля за ограничением права подозреваемого или обвиняемого отправлять и получать почтово-телеграфные отправления / Л. Н. Попова // Вестник Самарского юридического института. – 2023. – № 3 (54). – С. 50–52. – DOI: 10.37523/SUI.2023.54.3.007.
16. Фетищева Л. М. Пути решения проблем реализации пунктов 4 и 5 части 6 статьи 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации сотрудниками УИИ ФСИН России / Л. М. Фетищева // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2024. – № 4 (55). – С. 146–153.
17. Трухин С. А. Задержание осужденного, который уклоняется от наказания: кому и как оформлять / С. А. Трухин // Уголовный процесс. – 2020. – № 6. – С. 61–67.
18. Красильникова М. С. Соотношение норм отраслевого законодательства об отсрочке отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) / М. С. Красильникова // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4 (87). – С. 140–144.
19. Жукова Т. Г. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы / Т. Г. Жукова, К. А. Долгополов, А. П. Жуков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2024. – № 2 (41). – С. 55–60. – DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-55-60.
20. Храмов А. А. Парадоксы зачета наказания / А. А. Храмов // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 3 (60). – С. 127–136.
21. Храмов А. А. К проблеме соразмерности и справедливости зачета мер пресечения в размер наказания в виде штрафа / А. А. Храмов // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2024. – № 3 (21). – С. 114–121.
22. Карпов К. Н. Отмена условного освобождения от наказания военнослужащих (ст. 80.2 УК РФ) / К. Н. Карпов // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 3 (106). – С. 75–80. – DOI: 10.26516/2071-8136.2024.3.75.
23. Абдуллина К. Р. Нетипичные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания в период проведения специальной военной операции: в поисках оптимальной модели правового регулирования / К. Р. Абдуллина, Ю. А. Головастова, С. А. Корнеев // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 498. – С. 180–189. – DOI: 10.17223/15617793/498/20.
24. Уткин В. А. Правовая защита осужденных при их перемещении / В. А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 4 (49). – С. 131–140. – DOI: 10.53993/2078-3914/2021/4(49)/131-140.

REFERENCES

1. Radko T., Golovina A. Modern system-legal theory: a new stage of development or methodological crisis?. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2017, no. 2, pp. 34–40. (In Russ.).
2. Osipov M.Y. On some problems of structuring the system of Russian law, in: *Economics, Management, Law: Socio-Economic Aspects of Development*, Collection of Scientific Articles, Roma, Italy, Magi Publ., 2016, vol. 2, pp. 136–137. (In Russ.).

3. Magomedova E.A., Kurzakov M.V., Sokolov I.S. Essential features of branches of law as criteria for differentiating the system of Russian law into branches. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2024, no. 112-4, pp. 73–76. (In Russ.).
4. Turgut N.Y. The influence of ecology on environmental law: challenges to the concept of traditional law. *Environmental Law Review*, 2008, vol. 10, iss. 2, pp. 112–130. DOI: 10.1350/enlr.2008.10.2.012.
5. Grantham R. The Proceduralisation of Australian corporate law. *Federal Law Review*, 2015, vol. 43, iss. 2, pp. 233–257. DOI: 10.22145/flr.43.2.3.
6. Rahim M.M. Nanomedicine regulation in Australia. *Alternative Law Journal*, 2019, vol. 44, iss. 2, pp. 133–137. DOI: 10.1177/1037969X18815737.
7. Utkin V.A. Integrative Penal Law. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-executory system: law, economics, management*, 2019, no. 3, pp. 31–33. (In Russ.).
8. Suominen A. Effectiveness and functionality of substantive EU criminal law. *New Journal of European Criminal Law*, 2014, vol. 5, iss. 3, pp. 388–415. DOI: 10.1177/203228441400500308.
9. Zhuikov V.M. *Judicial protection of the rights of citizens and legal entities*. Moscow, 1997. 320 p. (In Russ.).
10. Voronin O.V. Subject and limits for penitentiary supervision of the prosecutor's office. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2014, no. 1 (11), pp. 5–16. (In Russ.).
11. Makhotin N.A. The rule of law in the execution of house arrest a measure of restraint in the dimension of the problems of prosecutorial supervision and their solutions. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2016, no. 3 (25), pp. 121–123. (In Russ.).
12. Kramov A.A. *Gaps in the criminal-executive legislation of Russia*, Cand. Diss. Tomsk, 2022. 230 p. (In Russ.).
13. Utkin V.A. Gaps in criminal-executive legislation and ways to overcome them, in: *Problemy sovershenstvovaniya pravovykh i organizatsionnykh osnov deyatelnosti organov, ispolnyayushchikh nakazaniya*, Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, 1996, pp. 17–25. (In Russ.).
14. Gavrilov D.I., Maloletkina N.S., Pavlov P.A., Hasnutdinov R.R. Features of the control by the criminal enforcement inspections over the observance of the prohibition by suspects and accused persons to send and receive postal and telegraphic items. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = The theory of penal law*, 2024, vol. 19, no. 2, pp. 321–329. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).2.321-329. (In Russ.).
15. Popova L.N. Features of control over the restriction of the suspect's right or the accused to send and receive postal and telegraphic items. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara law institute*, 2023, no. 3 (54), pp. 50–52. DOI: 10.37523/SUI.2023.54.3.007. (In Russ.).
16. Fetishcheva L.M. Ways to solve the problems of implementing Paragraphs 4 and 5 of Part 6 of Article 105.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation by employees of the criminal executive inspectorates of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Vestnik Permskogo instituta Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii = Journal of the Perm institute of the FPS of Russia*, 2024, no. 4 (55), pp. 146–153. (In Russ.).
17. Trukhin S.A. Detention of a convicted person who evades punishment: who and how to register. *Ugolovnyi protsess*, 2020, no. 6, pp. 61–67. (In Russ.).
18. Krasilnikova M.S. The ratio of the sectoral legislation of the punishment serving temporary suspension (Art. 82 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment*, 2014, no. 4 (87), pp. 140–144. (In Russ.).
19. Zhukova T.G., Dolgoplov K.A., Zhukov A.P. Exemption from criminal liability in connection with military service. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal and Order: History, Theory, Practice*, 2024, no. 2 (41), pp. 55–60. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-55-60. (In Russ.).
20. Kramov A.A. Penalty offset paradoxes. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2024, no. 3 (60), pp. 127–136. (In Russ.).
21. Kramov A.A. To the problem of proportionality and fairness of the offset of preventive measures in the amount of punishment in the form of a fine. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii*, 2024, no. 3 (21), pp. 114–121. (In Russ.).
22. Karpov K.N. Cancellation of conditional exemption from punishment for military servants (article 80.2 of the Criminal code of the Russian Federation). *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, 2024, no. 3 (106), pp. 75–80. DOI: 10.26516/2071-8136.2024.3.75. (In Russ.).

23. Abdullina K.R., Golovastova Iu.A., Korneev S.A. Atypical types of exemption from criminal liability and punishment during the special military operation: in search of an optimal model of legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2024, no. 498, pp. 180–189. DOI: 10.17223/15617793/498/20. (In Russ.).

24. Utkin V.A. Legal protection of convicts during their transfer. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 4 (49), pp. 131–140. DOI: 10.53993/2078-3914/2021/4(49)/131-140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Храмов Александр Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества

Кузбасский институт ФСИН России
654066, Россия, г. Новокузнецк, Октябрьский пр., 49

E-mail: Khramov_alexandr@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 6116-3666; AuthorID: 1055215

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander A. Khramov – PhD of law, Associate Professor, Department of Penal Law and Organization of Punishments Execution, not Related to the Isolation of Convicts from Society
Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia

49, Oktyabr'skii pr., Novokuznetsk, 654066, Russia

E-mail: Khramov_alexandr@mail.ru

RSCI SPIN-code: 6116-3666; AuthorID: 1055215

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Храмов А.А. Системные недостатки законодательства в сфере борьбы с преступностью как предпосылка формирования «интегративного» уголовно-исполнительного права / А.А. Храмов // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 2. – С. 137–146. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(2).137-146.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khramov A.A. Systemic deficiencies in legislation in the field of crime fighting as a precondition for the formation of “integrative” criminal-executive law. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 2, pp. 137–146. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(2).137-146. (In Russ.).